

РАСПРЕДЕМЧИВАЮЩЕЕ ПОНИМАНИЕ КАК ОСНОВНОЙ ТИП ПРИПИСЫВАНИЯ СМЫСЛА В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ

Карагёзиду Д.Г.¹

¹ ННОУ ВПО «Институт дружбы народов Кавказа», Ставрополь, Россия (355008, г. Ставрополь, проспект К. Маркса, 7), e-mail: diana19771008@rambler.ru

В данном исследовании обсуждаются проблемы распредемчивания и опредмечивания неузуального многогранного смысла при построении смысла в процессе создания философского текста и его рецепции. Рассматриваются возможные «схемы действования» реципиента в полихронотопном пространстве философского дискурса. Подробно анализируются возможности выстраивания «схем действования» на основе экзистенциалистских философских текстов с включенными пассажами на греческом языке. Применение феноменологической рефлексии по «схемам» структурирует и позволяет прогнозировать процесс повторного опредмечивания граней смысла. В статье рассматриваются кванты понимания и декодирования смысла текста как многоуровневой и иерархической структуры, обсуждаются механизмы смыслопорождения. Все элементы смысла рассматриваются с точки зрения реципиента. Исследование строится на принципах ноэматической и феноменологической рефлексии как основ декодирования смысла.

Ключевые слова и фразы: герменевтическое понимание, внутренняя форма слова, «схемы действования», философский дискурс, смыслопорождение, феноменологическая рефлексия.

DESOBJECTIVATIONAL TYPE OF UNDERSTANDING AS THE MAIN TYPE OF SENSE REFERING IN PHILOSOPHICAL TEXT

Karagiozidou D.G.¹

¹ People's Friendship Institute of the Caucasus, Stavropol, Russia (355008, Stavropol, K. Marx av., 7), e-mail: diana19771008@rambler.ru

In this research the problems of desobjectivation and objectivation of not usual multidimensional sense are discussed at the sense derivation process within creating and reception of the philosophical text. Producers "Schemes of acting" within polychronotopical space of philosophical discourse are considered. Examples of each forming type of "schemes of acting" on the basis of philosophical existential texts with inclusion of Greek language passage-phrases are analyzed. The application of phenomenological reflection according to "schemes" structures and allows to predict the sense edges reobjectivation. The units of understanding and decoding of the text sense as the multilevel and hierarchy structure within the context of philosophical discourse are viewed in the article; the mechanism of the meaning building is discussed. All the elements of meaning are seen from the recipient's point of view. The analysis is based on the principles of noematic and phenomenological reflection as a basis for sense decoding.

Keywords: hermeneutical conception, word's inner form, «schemes of acting», philosophical discourse, sense derivation, phenomenological reflection.

В настоящем исследовании мы рассмотрим особый тип понимания текста, характерный для действительного герменевтического акта понимания, учитывающего все грани неузуального многомерного смысла. «В данном аспекте немаловажную роль играет раскрытие глубинных структур моделирования и структуриации ноэматического и феноменологического смыслопорождения в рамках иерархической структуры, базирующихся на объединении элементарных единиц в узловых точках как метаединицах концептуализации» [3]. Однако типизация текстовых стратегий понимания является именно способом раскрытия взаимообусловленности таксономических моделей интерпретации и

«иерархической ноэматической структурой смыслопорождения» (термин С.Н. Бредихина) и другими алгоритмами действия реципиента и интерпретатора текста.

Одну из самых удачных таксономий моделей понимания текста дал Г.И. Богин в своей работе «Типология понимания текста».

1. «Семантизирующее понимание, т.е. «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции» [2, с. 105]. Подобный тип понимания характерен в условиях изучения, усвоения как родного, так и иностранного языка, при нарушении в понимании незнакомого словоупотребления, требующего семантизации в знакомом контексте.

2. «Когнитивное понимание, возникающее при преодолении трудностей в освоении содержательности познавательной информации» [2, с. 105], условием применения данного типа понимания оказывается применение и семантизирующего понимания, так как когнитивная информация дается в единицах языка не всегда понятных реципиенту.

3. «Распредмечивающее понимание, построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентруемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных все же именно в средствах текста» [2, с. 105]. Подобные текстовые средства, один из видов «Метаединиц» (по Г.И. Богину), позволяют реципиенту с адекватностью восстановить ситуацию мыследействия продуцента, а значит «выходить на уровень феноменологический, повторяя путь автора по порождению того или иного конструкта» [4, с. 174].

Чаще всего процесс распредмечивающего понимания немислим без двух других, более низких по уровню рефлексии, типов понимания, они как бы дополняют его и проходят в своем неотрефлексированном виде, или же опираются на «интуитивную ноэматическую рефлексия» (термин С.Н. Бредихина), что без привлечения распредмечивающего понимания является действием с текстовой реальностью на уровне значений, а не на уровне смыслов. В ситуации бытовой текстовой рецепции семантизирующее понимание не играет определяющей роли, но даже при нерелективном смысловом восприятии текстовой реальности она существенно возрастает. При регуляции процесса понимания когнитивной установкой доля герменевтического, чистого понимания еще более увеличивается, хотя применение когнитивного типа еще не обязательно содержит в себе «выход на третий уровень абстракции, применение феноменологической рефлексии и метатеоретического подхода, выход к мысли о по-мысливании» [4, с. 68]. Но при обращении распредмечивающего понимания на философский текст, который сам по себе является специфическим пространством рождения новых смыслов, доля собственно герменевтического понимания неизмеримо возрастает и превалирует над смысловым восприятием, однако даже этот факт без учета четырех планов хронотопа и всех констант

смыслорождения не дает право утверждать, что это понимание является полностью отрефлектированным на третьем уровне абстракции.

Распредмечивающее понимание всегда является характеристикой только высших уровней готовности языковой личности к взаимодействию с текстовой реальностью, оно всегда служит особому, специфическому мышлению «на грани и за границами обыденной онтологии, на грани и за границами языковых возможностей» [4, с. 352], однако корреляция адекватного синтеза текста как единого целого отнюдь не противоречит и когнитивному типу понимания, и преимущественное его соотнесение с пятым уровнем развития языковой личности (по Г.И. Богину) носит чисто прикладной характер. «Схемы действия» с текстовой реальностью на пятом уровне с включением третьего уровня абстракции имеет множество положительных моментов, способствующих выстраиванию иерархической структуры вос-принимаемого смысла: во-первых – это придание аспекта процессуальности (движения и изменчивости) уже отрефлектированному феномену ситуации в тексте; во-вторых – схематическая, синкопированная форма репрезентации данного образа отрефлектированной ситуации в языковых единицах; в-третьих – дуалистическое представление и действие объективной ситуации когнитивного смысла и субъективно-индивидуального представления в понимании; в-четвертых – введение в сферу рефлексивной реальности не только знания «о смыслах», но и переживание этих смыслов – что является «чистым, непротиворечивым О-С-МЫСЛЕНИЕМ внутреннего содержания, фиксация рефлексии ведет к порождению (причем намеренному) многомерного смысла и является необходимым условием наличия смысла и о-смысленности единиц высказывания» [4, с. 85]; в-пятых – распредмеченное содержание рождает у реципиента адекватные переживания; в-шестых – истинное герменевтическое понимание становится одной из форм существования и когнитивного действия в объективной реальности; в-седьмых – решается проблема всеобъемлющести и всесторонности ПОНИМАНИЯ, актуализируются грани смысла как понимаемого феномена; и главное – понимание становится необходимым средством, звеном в цепи передачи субъективной рефлексивной реальности от продуцента к реципиенту текста.

Первый аспект неоднократно рассматривался в отечественной психолингвистике, и термин «процессуальный характер мысленного образа» уже был подробно рассмотрен [1, с. 4], так же как и изменчивость и ситуативность образов в контексте «континуальности операций» [9]. Как отмечает М.М. Гиршман в своей работе «Внутренняя структура и субъектная организация целостности литературного произведения» [6, с. 8], два феномена повествования «рассказываемое событие» и «событие рассказывания» иногда являются неким двуединством, что безусловно опирается на постулат Г.В.Ф. Гегеля об амфиболичности и взаимопревращении формы в содержание и наоборот. Но подобное

двуединство возможно лишь в случае обращения языковой личности к феноменологической рефлексии и восхождению к истинному герменевтическому пониманию, принадлежности личности к пятому уровню развития, её способности оперировать прецедентными текстами, отвечающими требованию адекватного синтеза.

Разберем некоторые примеры. Если вернуться к пассажам М. Хайдеггера о «всеобщности» Бытия, то мы можем обнаружить множество высказываний с необходимостью существования рефлектируемого образа ситуации, некоего феномена, извлекаемого только из собственного опыта взаимодействия с подобными же феноменами, рефлексия относительно таких конструкций принципиально может рождаться только в процессе своего изменения и развития, в контаминации с процессами изменения и развития рефлексивной реальности самого реципиента, узнавание и понимание происходит в этой ситуации в момент видения и узнавания, а в постпозиции к данным процессам, в этом заключается процессуальность первого аспекта.

Das »Sein« ist der »allgemeinste« Begriff: τό δν ἐστὶ καθόλου μάλιστα πάντων. Illud quod primo cadit sub apprehensione, est ens, cuius intellectus includitur in omnibus, quaecum-que quis apprehendit. »Ein Verständnis des Seins ist je schon mit inbegriffen in allem, was einer am Seienden erfaßt.« Aber die »Allgemeinheit« von »Sein« ist nicht die der Gattung. »Sein« umgrenzt nicht die oberste Region des Seienden, so-fern dieses nach Gattung und Art begrifflich artikuliert ist: οὔτε τό δν γένος. (Heidegger M. Sein und Zeit 3) – «Бытие» есть «наиболее общее» понятие: τό δν ἐστὶ καθόλου μάλιστα πάντων. Illud quod primo cadit sub apprehensione est ens, cuius intellectus includitur in omnibus, quaecumque quis apprehendit.[Бытие есть наиболее общее из всего бытие не есть также и род]. «Некая понятность бытия всякий раз уже входит во всякое наше восприятие сущего». Но «всеобщность» «бытия» не есть таковая рода «Бытие» не очерчивает верховную область сущего, насколько последнее концептуально артикулировано по роду и виду: οὔτε τό δν γένος.

У реципиента, достаточно свободно владеющего специфическим философским языком, может сложиться впечатление, что некоей отправной точкой служит имеющийся феномен, вербализованный с помощью прямой номинации, однако при ближайшем рассмотрении и применении, наряду с семантизирующим, распредмечивающей модели понимания, можно проследить движение и развитие смысла непосредственно в процессе синтеза высказывания, в случае же с анализом/переразложением подобных конструкций семантизируемая исходная ситуация является достаточно ясной, в процессе синтеза ноэматическая структура формального параллельного понятия отделяется от такового в новообразовании и не несёт никакого сопутствующего значения.

Возьмем, например, четко просматривающийся смысл «*Sein*», который является четко опредмеченным в следующем отрезке «*Ein Verständnis des Seins ist je schon mit inbegriffen in allem, was einer am Seienden erfasst*». Данное высказывание являет собой постпозицию к предыдущим постулатам об общности, однако не гиперонимическим/родовым отношениям «Бытия» и «всего сущего», позволяющим приписать некоторые оттенки смысла рассматриваемому феномену и предоставляющим материал для его растягивания. Этому служат высказывания на греческом и латыни: «*τό δὲ ἐστὶ καθόλου μάλιστα πάντων. Illud quod primo cadit sub apprehensione, est ens, cuius intellectus includitur in omnibus, quaecum-que quis apprehendit*». В данном случае при задействовании распредмечивающего понимания не правомерно утверждать, что происходит простое суммирование квантов смысловой конструкции «бытие – наиболее общее» и «всеобщность – не есть родовая характеристика бытия». В данном случае простая сумма этих компонентов без «мутации смысловой конструкции» не дает ничего, ведь для ноэтической рефлексии данная сумма представляет собой ноль – бессмыслицу, однако при учете того факта, что перед нами текст, построенный на феноменологической рефлексии и отвечающий требованиям адекватного синтеза, этот «оксюморон» (представленный целым высказыванием), превращается в намеренно введенный синтаксический прием парадоксального высказывания с аллюзивными маркерами именно по той причине, что кванты смысла, имманентно заложенные в приведенных предшествующих отрезках текстовой ткани, подвергаются растяжению в процессуальности «мутации смысла», которая представляет собой «мутацию отношений объекта мыследеятельности с актуализируемыми элементами структуры на основании первоначального, иногда этимологического перераспределения акцентов в суперконструкте; повторную, но не вторичную, номинацию нового феномена на основе изменения системы координат или точки отсчета, определяется парадигмальным смещением в функциональности и прагматической адаптации вербализации» [4, с. 112], и таким образом отчасти начинают входить в последующую цепь высказываний, выходящую на новый виток размышлений в герменевтическом круге.

Именно процессуальность рефлектируемого образа некоей ситуации, которая является субъективно-реальной, дает возможность распредмечивать различные текстовые средства и видеть в них индивидуальные авторские смыслы, которые, конечно же, непосредственно не обозначаются этими средствами текстообразования и выразительности, этот процесс возможен лишь на уровне адекватного синтеза и занимает место простого декодирования знаковых конструкций. Процессуальность усмотрения скрытых граней рождается в процессе создания текстовой реальности, казалось бы, он теряется в застывшем произведении/тексте, нивелируется в средствах текста как в предмете, явленном для

распредмечивания читателю, но это лишь на первый взгляд, при более подробном рассмотрении реципиент повторяет путь продуцента, восстанавливает ситуацию мыследействования, вводя новые субъективно-индивидуальные кванты смысла, приписывая новые, неузуальные оттенки имеющейся конструкции. Процесс восстановления происходит вне рамок тривиального декодирования знаковых образований, он является воспроизводством процессов на луче феноменологической рефлексии производимой реципиентом над всем своим индивидуальным опытом отражения объективной реальности и коммуникативным опытом.

Почему же понимание должно быть именно распредмечивающим? Ответ прост – реципиенту смыслы никогда не даются непосредственно, он имеет дело лишь с опредмеченными, вербализованными в средствах текстопостроения квантами. Находясь в состоянии феноменологической рефлексии, реципиент может попытаться отвлечься (но не полностью избавиться) от собственного опыта и пройти путь продуцента и персонажа (описываемого феномена), а средства текста в данном случае являются тем орудием, которое дает возможность вскрыть «душу автора», они служат той путеводной нитью, которая вернет реципиента к исходному смыслу – вне зависимости от способа обозначения: прямой номинации некоего понятия, что характерно для когнитивного понимания, или же имманентно намекая на творимые грани нового смысла, раскрывая общие пути продуцента и реципиента.

Распредмечивающий тип понимания является своего рода информационным процессом для освоения индивидуально-субъективных реальностей, он есть единственная возможность приписывания индивидуальных смыслов реципиента имманентно данным в ткани текста индивидуальным смыслам продуцента – постижение общекультурных смыслов через свои собственные, совокупности лингвокультурной рефлексивной реальности, представленной индивидуализированно, ведь сущность человека выражается только через отношение данного человека к другому [7, с. 62]. Весь текст является для реципиента осмысленным переживанием, опредмеченным в текстовых формах, которые теперь актуализированы для него и входят в его коммуникативный опыт. Распредмечивающее понимание обязательно фиксируется на «константах субъективности, модальности, интенциональности и ситуативности» [4, с. 118]. Выстраиваемые модели объективно-реальностных ситуаций, которые представлены в тексте, преломляются и органично вписываются в субъективную рефлексивную реальность и выступают в качестве одного из аспектов, её определяющих. Именно так происходит фиксация распредмечивающего понимания на уровне феноменологической рефлексии, фокусирующейся на индивидуальной субъективности. Распредмечивающее понимание, безусловно, является высшим уровнем

понимания текстовой реальности, однако оно не стоит особняком и не противопоставляется когнитивному пониманию, как некое элитарное «духовное понимание» по отношению к более низкому тривиальному «действенному пониманию». Как в системе мыследеятельностных актов существует три пояса и, работая во всех трех плоскостях, можно достичь герменевтического смыслопорождения, так и все три типа понимания объективно взаимодействуют, и распредечивающее понимание, как мы и упоминали ранее, включает в себя характерологические признаки двух других типов.

Распредечивающее понимание представляет когницию/знание всего лингвокультурного сообщества в терминах и опыте реципиента, придает данным знаниям некую чувственную доступность, позволяет вживаться в них. Не менее сложны взаимосвязи распредечивающего понимания с семантизирующим. Последнее имеет дело с декодированием формы знака, которая неразрывно связана с образом-значением. Данная метасвязь, по мысли С.Н. Бредихина, является «о-значиванием», в то время как при распредечивающем понимании, как в иероглифических лингвокультурах, примарным по отношению к значению является смысл, и его связь со значением опосредована «намеком», что рождает «с-о-знание» (термин С.Н. Бредихина) [4]. Тексты семантизирующего типа отличаются языковой избыточностью, прямой номинацией всех феноменов объективной реальности, тексты же распредечивающего понимания дают возможность пользоваться не только неузуальными лексическими и грамматическими средствами, но и порождают новые деривационные модели, но оба эти типа понимания, в отличие от когнитивного, не требуют вербализации ПОНИМАЕМОГО в виде ПОНЯТИЙ.

Список литературы

1. Ангелова Я.Г. Активность субъекта в формировании познавательного образа : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. История философии. – М., 1979. – 17 с.
2. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста : учебное пособие. – Тверь : ТГУ, 1993. – 138 с.
3. Бредихин С.Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. - URL: www.science-education.ru/118-13920 (дата обращения: 28.07.2014).
4. Бредихин С.Н. Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации : монография. – Ставрополь : РИО ИДНК, 2014. – 392 с.
5. Бредихин С.Н. Трансформации в речевом потоке: производство смыслов и управление деривационными моделями // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 115-

6. Гиршман М.М. Внутренняя структура и субъектная организация целостности литературного произведения // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. – Донецк, 1977. – С. 6-9.
7. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. – С. 43-784.
8. Мельников Г.Н. Теория языка и особенности языкового знака // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки [Ростов н/Д]. - 1977. - № 3. – С. 34-38.
9. Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. - Тбилиси, 1978.

Рецензенты:

Чанкаева Т.А., д.фил.н., профессор, профессор кафедры связей с общественностью ННОУ ВПО «Институт дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь.

Манаенко Г.Н., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой иностранных языков ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.